

Н.Е. ОНЧУКОВ И РУССКАЯ ШКОЛА ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Фольклорно-этнографические экспедиции в районы Русского Севера, начатые в XIX в. П.Н. Рыбниковым, А.Ф. Гильфердингом, С.В. Максимовым и другими, были триумфально закончены в начале XX столетия А.В. Марковым, А.Д. Григорьевым и Н.Е. Ончуковым. Появилась возможность не только подвести некоторые итоги изучения бытования системы фольклорных (в том числе и эпических) жанров на Русском Севере, но и с полным на то основанием говорить о существовании *русской школы эпосоведения*.

Об общих принципах этой школы достаточно хорошо известно из общих работ по истории русской фольклористики (Азадовский, 1963; Пропп, 1958; Аникин, 1964; Азбелев, 1982), но хотелось бы особо остановиться на некоторых *специфических особенностях этой школы*, которые часто уходят из поля зрения историков отечественной фольклористики. Между тем, вместе с общими принципами (демократизм, равноправные отношения с населением, внимательное отношение к вариантам и к индивидуальному стилю исполнителя и т. д.) эти частные, казалось бы, факторы в какой-то мере определяли лицо школы и во многом объясняли и даже извиняли те очевидные просчеты собирателей (несовершенство записей, неполнота записей, текстологические изъяны и т. д.), на которые нередко указывают современные фольклористы.

Именно в личности и деятельности Н.Е. Ончукова эти специфические особенности выразились в достаточной степени отчетливо. Отчасти потому, что он был, по сути дела, последним по времени собирателем эпической традиции Русского Севера (его «Печорские былины» вышли в свет в 1904 году, а «Беломорские былины» А.В. Маркова и первый том трехтомника «Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.»

появились раньше, в 1901 году), отчасти по той причине, что Н.Е. Ончуков являл собой классический тип *ученого-дилетанта*, восполнявшего недостаток своего фольклористического образования горячим исследовательским энтузиазмом (после революции данный тип стал преобладающим среди ученых-краеведов) и пунктуальным следованием программным принципам П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга, изложенным, в частности, в известной работе последнего «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» (Гильфердинг, 1872).

Не хотелось бы проводить ненужного сравнения полевой собирательской работы ученых рубежа XIX–XX вв., но несомненно одно — Н.Е. Ончуков старался работать, как все исследователи, только немного лучше, ибо ему каждой своей поездкой надо было доказывать свой профессиональный уровень, достигнутый лишь благодаря интенсивной собирательской практике. И пусть в его фольклорных сборниках нет того академизма, который присущ сборникам других русских фольклористов, а отчеты о поездках грешат излишней журналистской публицистичностью, но именно эти работы позволяют составить живое представление о принципах работы русских фольклористов того времени.

К настоящему моменту фольклорно-этнографическая деятельность Н.Е. Ончукова изучена достаточно подробно (Чекрызов, 1968; Иванова, 1982; Налепин, 1983; Налепин, 1988; Налепин, 1998) и на ее примере существует возможность остановиться на специфике работы русских ученых-эпосоведов конца XIX–начала XX вв., тем более, что эта специфика чисто российская и во многом совершенно незнакома, например, фольклористам европейским, привыкшим работать в совершенно иных условиях. С некоторой долей условности можно даже утверждать, что именно она во многом определяла лицо русской школы собирания эпоса, ибо ее общие принципы (как они изложены, к примеру, все в той же работе А.Ф. Гильфердинга) для всех европейских стран во многом были примерно одинаковы.

На примере экспедиций Н.Е. Ончукова по сбору былин в районах рек Печора, Вишера, Колва и ряда других попытаемся выделить эти некоторые *специфические факторы*.

Фактор природно-географический и климатический, связанный с огромными расстояниями и порою непроходимыми территориями, а также с экстремальными климатическими и погодными условиями, в которых традиционно работали русские фольклористы. В принципе

это были комплексные географические, а не только фольклористические экспедиции, продолжавшие традиции путешествий И.И. Лепехина, В.Н. Латкина, Н.Я. Озерецковского, с той лишь разницей, что в них на первом плане стояло народоведение, да и маршрут проходил большей частью по суше (правда, не всегда).

Первой экспедицией Н.Е. Ончукова было исследование Чердынского уезда Пермской губернии, когда он детально изучил бассейны рек Вишера, Колва, а также «всю населенную Унью и Печору в пределах Чердынского уезда» (Ончуков, 1901, 1). Поездка заняла более двух месяцев, и за этот срок, постоянно передвигаясь по труднопроходимой местности на парохе, лодках, лошадях, собирая ценный этнографический, фольклористический и географический материал этого района, он исследовал территорию площадью более 60 000 кв. км.

Июнь и половину июля 1900 года провел Н.Е. Ончуков на Вишере, «а затем вздумал пробраться на Колву и Печору к раскольникам» (Ончуков, 1901, 21). Маршрут он из всех возможных выбирает, пожалуй, один из самых трудных, но уже пройденный в 1855–1856 гг. С.В. Максимовым. «Мечта моя, — писал Н.Е. Ончуков, — была пробраться с Колвы на Печору, а оттуда сплыть до устья ее и через Архангельск воротиться в Петербург» (Ончуков, 1901, 23). В первую очередь интересовал его труднопроходимый район в бассейне реки Колва между деревнями Ветлан и Тулпан.

Когда-то эта местность была частью *мифической Биармландии (Биармии)*, страны с развитой торговлей и высокой культурой, имевшей тесные связи как с Европой, так и с Азией. Следов *Биармии* он, конечно же, не нашел.

Поднимаясь вверх по реке Колве, Н.Е. Ончуков дает характеристики реки, посещает многие заповедные места (пещеры, капища и т. д.) и вообще составляет достаточно подробное географическое описание местности и поездки.

Исследуя тему раскола, он изучает бассейн реки Колва, а затем едет на реки Унья и Печора. Унья — это приток Печоры. Попутно при этом составляя этнографические и географические заметки о бассейне реки Унья, он, наконец, попадает на Печору в деревню Усть-Унья.

Однако это не было концом маршрута. Продвигаясь вверх по Печоре, он доходит до деревни Камешок, «последней деревни и вообще какого-то бы ни было жилья на Печоре к вершине» (Ончуков, 1901, 31). Отсюда был уже виден Урал, и, прожив там несколько дней, Н.Е. Ончуков возвращается в Чердынь.

За два месяца поездки двадцативосьмилетним ученым была пройдена и изучена местность в бассейне четырех рек, местность трудно-доступная, а часто просто непроходимая, был собран обширный географический, этнографический и фольклорный (в деревнях Велгура, Усть-Улс, Голосково, Акчим) материал, который и лег в основу его книги «По Чердынскому уезду». В этой книге фольклор, этнография и география были неотделимы. Во время этой напряженной поездки Н.Е. Ончуков впервые записывает былины (Ончуков, 1901, 31).

В 1901 году Н.Е. Ончуков продолжает исследования в бассейне реки Печоры, только на этот раз Средней и Нижней Печоры. И хотя теперь он едет с особой целью записывать былины, но и здесь *природно-климатический (географический) фактор* продолжает играть немаловажную роль, а во многих случаях даже определять результаты исследования.

Н.Е. Ончуков повторил маршрут поездки Ф.М. Истомина, два раза бывшего на Печоре (в 1889 и 1891 году), но былинной поэзии там так и не обнаружившего (Истомин, 1891).

Поездке Н.Е. Ончукова предшествовала кропотливая подготовительная работа: был составлен маршрут, изучена литература по истории, географии, экономике и этнографии Русского Севера. И все же *природно-климатический (географический) фактор* Н.Е. Ончуков не учел, ибо время экспедиции на Печору в 1901 году он выбрал неудачно.

Выехав из Петербурга в июне, он «приехал на Печору чуть ли не к Петрову дню» (Ончуков, 1903, 1), т. е. к середине июля. С.В. Максимов о специфике экспедиции на Печору писал следующее: «Чтобы добраться туда обычным, самым употребительным летним путем <...> надо истратить целый месяц и испытать целый месяц десятки препятствий и сотни приключений <...> Посещение Печоры летом — подвиг» (Максимов, 1908, 272). В июне–июле Печора окончательно освобождается от льда, и население начинает заниматься рыбной ловлей, и ему, конечно же, не до песен. Именно поэтому Н.Е. Ончукову удалось записать всего семь былинных текстов.

Экспедиция 1901 года была для него во многом поучительна. Он точно установил лучшие сроки записи для этого региона, т. е. определил оптимальные *природно-климатические (географические) параметры*. Это время «от Пасхи до вскрытия Печоры, т. е. время распуты, так как по вскрытию Печоры часть крестьян сейчас же начинает ловить рыбу и кончает это занятие глубокой осенью, когда Печора вста-

нет» (Ончуков, 1903, 1). На *географический фактор* естественно на-слаивались и некоторые особенности быта и религиозных верований коренного населения Печоры (условно их можно определить как *социально-психологические, религиозные, бытовые факторы*). Именно поэтому приехать раньше, то есть в более удобное климатическое время, тоже было нельзя, так как был риск «прожить на Печоре без дела, и это непременно бы случилось, если бы я приехал на Печору еще в Великом посту, особенно на его последних неделях печорцы-раскольники, да и печорцы-православные, обычно очень религиозно настроенные, едва ли стали мне петь что-нибудь светское в это время» (Ончуков, 1903, 1).

Маршрут экспедиции 1902 года был уже иным. 2 апреля 1902 года Н.Е. Ончуков выехал из Петербурга и уже 5 апреля прибыл в Архангельск. 7 апреля 1902 года в справочном отделе «Архангельских губернских ведомостей» появилось сообщение: «Прибыл в Архангельск член-сотрудник Императорского русского географического общества Николай Евгеньевич Ончуков — для исследования реки Печоры». (Архангельские губернские ведомости, 1902, 7.04). Обратим, кстати, внимание на «*географическую*» мотивировку экспедиции. Встретиться с архангельским губернатором (а это было обязательным правилом для любого исследователя, въезжавшего в пределы губернии, то есть тоже своего рода *социальный фактор*) Н.Е. Ончукову не пришлось, так как 2 апреля, т. е. в день его отъезда в Петербурге был убит министр внутренних дел Д.С. Сипягин и потому 6 апреля «начальник Архангельской губернии, контр-адмирал Николай Александрович Римский-Корсаков выехал по делам службы в Санкт-Петербург» (Архангельские губернские ведомости, 1902, 9.04).

6 апреля 1902 года Н.Е. Ончуков выехал на Печору. Стояла ранняя весна, снег становился талым, и так как большая часть 800-верстного санного пути проходила по еще не вскрывшимся рекам (Северная Двина, Пинега, Мезень, Цильма), то поездка получилась опасной. 12 апреля он был уже в Усть-Цильме. Поскольку время для записи было выбрано оптимальное, то с 15 по 21 апреля он делал интенсивные записи в Усть-Цильме, а 21 апреля выехал в селения на реке Пижме.

Обследовав все деревни в бассейне реки Пижма, кроме трех дальних, он 26 апреля вернулся в Усть-Цильму и стал ждать вскрытия Печоры, чтобы ехать в Пустозерскую волость, а поскольку в тот год

Печора вскрылась поздно, то до 16 мая Н.Е. Ончуков вынужден был оставаться в Усть-Цильме.

Уже после полного вскрытия Печоры Н.Е. Ончуков покинул Усть-Цильму, и до 4 июля (день окончания экспедиции) объездил всю Усть-Цилемскую и Пустозерскую волости и весь ижемско-зырянский край (до границы с Вологодской губернией).

Многих известных по всей Печоре старинщиков он так и не записал, так как для населения бассейна Печоры начинался сезон рыбной ловли и сенокоса (кстати, это тоже *природно-географический фактор*), записывать здесь более было нельзя, и Н.Е. Ончуков обследовал села на реке Мезени. Об очевидном фольклористическом успехе экспедиции, о конкретных записях былин и категориях исполнителей более подробно можно узнать из опубликованных работ (Налепин, 1988), но хотелось бы обратить особое внимание на то, ценой каких усилий был собран этот уникальный материал, усилий не только интеллектуальных, но и чисто физических. Всего за поездку 1902 года Н.Е. Ончуков проехал по Печорскому краю 1825 верст, из них пароходом 1400 верст, лодкой 117 верст, лошадьми 284 версты и пешком 24 версты.

Чтобы более зримо представить себе масштабы печорской 1902 года экспедиции Н.Е. Ончукова, сообщим, что только записи былин произведены им в 11 селениях Усть-Цилемской и 6 селениях Пустозерской волости, что общая протяженность маршрута между Петербургом и Печорой составила более 8000 верст, из них лошадьми 1600 верст, лодкой 1256 верст, пароходом и железной дорогой более 5000 верст (Ончуков, 1903, 4).

Ни один из европейских фольклористов не работал на столь обширной территории в условиях очевидных опасностей для собственной жизни. Вспомним хотя бы печальный уход из жизни выдающегося русского фольклориста А.Ф. Гильфердинга, скончавшегося во время экспедиции 1872 года в Олонецком крае от холеры, или же полные серьезных происшествий «приключения» С.В. Максимова, описанные в его книге «Год на Севере».

Русская фольклористика была вовсе не барским занятием, и за два месяца Н.Е. Ончуков обследовал крупнейший регион, равный по территории иной европейской стране, работая не в стационарных условиях, а постоянно передвигаясь. При этом и климатические условия были, как правило, экстремальными, о чем свидетельствует следующий отрывок из книги Н.Е. Ончукова, повествующий о запи-

сах былин у печорских рыбаков: «Ветер рвет листы бумаги, валит чернильницу, сыплет песок в глаза, и того и гляди пойдет дождь» (Ончуков, 1903, 3).

Географический фактор оказывал свое влияние не только на специфику полевых исследований, на выбор маршрута, времени и места записи, но и на былинный репертуар того или иного района. Так, отсутствие взаимного влияния репертуара Усть-Цилемской и Пустозерской волостей Н.Е. Ончуков справедливо объяснял чисто физической невозможностью общения жителей обеих волостей из-за сложных географических условий (реки, непроходимые места), хотя волости эти соседствовали друг с другом. Кроме того, между жителями обеих волостей существовала давняя вражда из-за рыбных угодий. И хотя сам Н.Е. Ончуков пришел к выводу, что разный репертуар объяснялся тем, что Усть-Цильму основали в XVI веке новгородцы, а Пустозерск в XV веке опальные служилые люди Московского государства, но отсутствие взаимного проникновения репертуаров только лишь историей объяснить было нельзя. Второстепенный, казалось бы, *географический фактор* многое прояснял в этой проблеме.

Все последующие экспедиции Н.Е. Ончукова с 1903 по 1907 год в Поморье, на Терский берег Белого моря, на Мурманский берег, на западное побережье Кандалакшского залива Белого моря, в Петрозаводский, Пудожский, Каргопольский, Повенецкий уезды Олонецкой губернии, в Архангельский и Онежский уезды Архангельской губернии происходили примерно в таких же географических условиях, и все эти *климатические факторы* исследователь вынужден был учитывать в своей работе.

Русские фольклористы вынуждены были считаться со многими часто непредсказуемыми обстоятельствами, которые совершенно были неведомы европейскому ученому. Выше уже отмечалось, что русский фольклорист обязательно должен быть представлен губернатору той губернии, в которой он намеревался работать, «чтобы он на основании вашего листа из столицы сделал распоряжение своим подчиненным — исправнику этого уезда, куда вы едете, а тот приставам, а те урядникам, иначе всяко могло с вами выйти» (Ончуков, 1925, 283).

Однако соблюдение этих *иерархических правил* было важным, но отнюдь не главным условием удачной экспедиции. Самое главное — это *особый стиль поведения*, который население воспринимало бы как *естественный* (неподозрительный). Причем это правило сохра-

нялось вплоть до недавнего времени. Устойчивость этого фактора Н.Е. Ончуков отмечал даже на основании опыта своих экспедиций послереволюционного периода: «По приезде на место Вы должны как можно естественнее и правдоподобнее объяснить и внушить населению причины и цель Вашего приезда, цель Ваших работ <...> Во время японской войны меня в Олонецкой губернии сначала считали японским шпионом; при царе собирателя могли счесть за царского шпиона, при Советской власти — за агента ЧК или ГПУ» (Ончуков, 1925, 278).

После того как снята подозрительность у населения относительно личности собирателя, надо соответствующим образом держать себя и не испугать чем-нибудь деревенских жителей. Эту психологическую особенность он объяснял следующим образом: «Внушивши населению уверенность, что Вы не вредный для деревни человек, нужно еще совершенно просто держать себя в деревне, отнюдь не подчеркивая, что Вы приезжий из столицы или из губернии какой-то важный человек. На этой почве некоторые собиратели поскользнулись, и жестоко. Самый классический, кажется, пример случился в моем деле» (Ончуков, 1925, 279).

Действительно, история печорской экспедиции Ф.М. Истомина ясно продемонстрировала, к чему может привести забвение этих кажущихся второстепенными принципов. Отрицательный результат экспедиций во многом объяснялся неверным поведением Ф.М. Истомина. Будучи видным чиновником Государственного контроля, совершая свои экспедиции в свои очередные месячные отпуска по службе, Истомин был вынужден пользоваться своим высоким служебным положением и «очень важным барином ездил по Печоре. Остановившись на съезжих избах, как крупный петербургский чиновник, он “приказывал явиться” к себе старшине, старосте и “приказывал” разыскать и привести к себе песенников» (Ончуков, 1925, 279).

Как это ни странно, но напуганное «начальством» местное население молчало, и таким образом была сокрыта богатая эпическая традиция. Факт небывалый для европейской фольклористики, но вполне естественный для России с ее огромными территориями и специфическим складом народной психологии.

Следующим обязательным моментом успеха экспедиции Н.Е. Ончуков считал расположение или лучше всего *покровительство* какого-нибудь уважаемого в деревне человека (учителя, врача или просто крестьянина с хорошей репутацией). Только таким образом

возможно выявление всего репертуара, который исполнитель может и утаить. И такие помощники были своеобразными соавторами тех открытий, которые совершал тот или иной исследователь. Так, вспоминая о своих печорских экспедициях, Н.Е. Ончуков писал: «Прекрасный помощник попался мне таким образом на Печоре в с. Усть-Цильме: это мой сказитель былин и сказочник Г.И. Чупров. Сам прекрасный сказочник, он много занимался извозом, везде бывал, его ничем нельзя было удивить, и хотя и неграмотный, отличался крайней любознательностью. Его искренне заинтересовала моя работа, и он не только охотно выложил мне сам все, что знал, но и без всякой просьбы с моей стороны принялся помогать мне, обходя село, разыскивая сказителей, выдаясь с ними и уговаривая их петь или рассказывать сказки. Неоценимые услуги оказал мне Г.И. Чупров, когда как ямщик повез меня в селения по р. Пижме. Когда в деревнях по утрам я, бывало, еще сплю, Г.И. уже обегает деревню, узнает — кто поет былин, позовет сказителей ко мне, уломает, если нужно, расспросит про сказителей в других деревнях» (Ончуков, 1925, 280).

В истории фольклористики деликатно замалчивается вопрос о разных *формах вознаграждения исполнителей*. Не давая конкретной рекомендации по этому вопросу, Н.Е. Ончуков факт существования такой традиции не отрицал и полагался целиком на опыт исследователя: «В моей практике я помню такой случай: на Печоре у меня был один сказитель, который непременным условием пения поставил высокую плату, а когда стал петь, чтобы больше заработать, явно стал присочинять и фантазировать» (Ончуков, 1925, 283).

И наконец, самый важный *собираТЕЛЬСКИЙ принцип*, которым руководствовался Н.Е. Ончуков: «не верить на слово ничему, непременно самому проверить на деле» (Ончуков, 1925, 283). *Недоверие к устоявшемуся мнению*, как правило, всякий раз приносило неожиданные результаты: не поверил авторитету Ф.М. Истомина и открыл былинную традицию на Печоре, усомнился в распространенной среди населения молве об уникальном сказителе и на проверку оказалось, что сказитель ориентирован на письменную традицию и т. д.

Это правило собирания Н.Е. Ончуков формулировал следующим образом: «Правда, слава знатоков былин и сказок не всегда совпадает с действительной их ценностью. Сколько раз мне приходилось разочаровываться в этом: немного получать от того, о ком много говорили, и находить богатую жатву там, где совсем не ожидаешь. Помню, на Пижме мне говорили про Петра Агеева, который очень

складно, как по книжке, рассказывает какую-то никому неизвестную старину. На деле оказалось, что Агеев знает и повторяет скороговоркой “Песню про купца Калашникова” Лермонтова. При поездке на Мурман на пароходе мне сказали, что в г. Коле один старик хорошо знает былины. Я отыскал этого старика в Коле, и он пояснил мне, что теперь он ничего не поет, а когда был моложе, пел “Боже, царя храни”» (Ончуков, 1925, 283).

Что касается *методики записи* былинных и вообще фольклорных текстов, то, ясно осознавая необходимость фонетически точной фиксации их, он отдавал предпочтение все же их литературной части. Во-первых, точность фонетической записи относительна (даже в записях сказок, сделанных А.А. Шахматовым в 1884 году, Ончуков справедливо находил явные изъяны), во-вторых, «если неопытному собирателю выбирать: записывать ли точно литературную часть произведения, но обыкновенным, принятым правописанием, или точно отмечать сторону памятника звуковую, напирая главным образом на фонетику, делая в литературной части пропуски — я без колебания пожертвовал бы фонетикой в пользу литературы» (Ончуков, 1925, 274).

Понимал он и важность *записи вариантов* (Ончуков, 1925, 269) и даже необходимость фиксации *драматического обрамления* любого исполнения, на что обращают особое внимание фольклористы сегодняшнего дня: «Идеальным я бы назвал такие записи сказок и былин, когда, кроме основного текста сказочника или сказителя, собиратель успеет включить в свои записи и все замечания и реплики посторонних слушателей <...> Восстановленная, затем записанная таким образом сказка или былина и будет идеально записанной и изданной, ибо она, как драгоценный камень, будет в окружении той обстановки, в которой родилась» (Ончуков, 1925, 277).

Все эти очевидные для современной фольклористики аксиомы, как мы видим, были хорошо известны и фольклористам рубежа XIX–XX вв. Однако собиратель-одиночка (а именно это характерно для фольклористики той эпохи), работая на пределе физических сил и исследуя огромные в географическом отношении районы, не успевал все эти требования выполнять, так как надо было срочно фиксировать навсегда уходящее, и, как показала история, в этом они были правы.

Справедливые упреки в адрес этих собирателей-одиночек (Песни Печоры, 1963, 5) (не зафиксировал, не охватил район, фонетически

неточно записал и т. д.) все же не лишены некоторой риторики, ибо игнорируют конкретную историческую эпоху. Если же взглянуть на их деятельность с позиций элементарного историзма, то невольно поражаешься тому, как много они сделали и на каком высоком профессиональном уровне.

С именем Н.Е. Ончукова завершился определенный этап в русском эпосоведении. Закончился «классический период», время собирателей-одиночек, настала эпоха комплексных экспедиций, исследующих районы с живой фольклорной традицией. Но то, что проделали эти одиночки (да еще в уникальных российских условиях), огромно. Они не только создали *«золотой фольклорный фонд»*, но и выработали универсальную (работающую и сегодня) *собираческую методику*, рассчитанную на самые экстремальные географические, климатические и психологические условия.